

Цинь Ян купил два лезвия для мотыги и два мешка удобрений — раньше это считалось роскошью, большинство людей использовали навозную жижу для полива и жалели денег на покупку удобрений.

Разные мелочи заполнили целый большой мешок. Цинь Ян резко перекинул его на плечо, одной рукой сжимая горловину, а другой ведя Цзян Юя обратно прежним маршрутом.

Пройдя некоторое расстояние, Цинь Ян уже взмок и тяжело дышал. Цзян Юй, видя, как тому трудно, нахмурился и с беспокойством сказал:

— Цинь Ян, ты... ты если не сможешь нести, я могу понести.

Цинь Ян, услышав это, с усмешкой взглянул на него. Как бы этот хрупкий ни выдержал более тридцати килограммов.

— Справлюсь, ты просто иди следом.

Цзян Юй не сдавался:

— Если устанешь, обязательно скажи, я понесу.

— Угу.

Взвалив мешок на плечо, он дошёл до остановки, но правая рука ныла невыносимо.

В автобусе было пусто. Цинь Ян с Цзян Юем выбрали два места и сели. Он машинально помял правое плечо. Цзян Юй заметил это и тут же, проявляя воспитанность, встал, чтобы помассировать плечо Цинь Яну, и почтительно спросил:

— Сильно давлу? Если сильно — скажи.

Цинь Ян не стал церемониться, откинулся на сиденье и позволил Цзян Юю разминать плечо.

— Так нормально.

Получив одобрение, Цзян Юй радостно заулыбался и стал стараться ещё усерднее.

Через полчаса автобус тронулся. Только выехав из уездного города, уставшие за день оба уснули, прислонившись друг к другу.

Прибыв в городок Дахэ, Цинь Ян спустил мешок и зашагал. После отдыха силы явно вернулись, и он в один дух донёс груз до деревни.

Дома уже был вечер. Едва опустив мешок, Цинь Ян снова принялся за дела.

Он принёс маленькую скамеечку и при керосиновой лампе стал разбирать семена и черенки батата, предназначенные для завтрашней посадки. Цзян Юй присел рядом и внимательно наблюдал.

Цинь Фэн мыла принесённую Цзян Юем хауттуйнию и спросила:

— Брат, завтра можно мне пойти с тобой в поле?

Цинь Ян не задумываясь ответил:

— Приходи после обеда, дома кто-то должен оставаться.

Цинь Фэн не смогла скрыть разочарование и уныло пробормотала:

— Ладно... А ты этого дурачка с собой возьмёшь?

Цинь Ян равнодушно кивнул, складывая черенки батата и семена в мешок.

— Оставить его в деревне я не могу, пусть лучше учится делу на поле.

— Ага. — Цинь Фэн с тоской глянула на Цзян Юя, стоявшего к ней спиной и дёргавшегося в непонимании. Ей было завидно, что он всегда таскается за Цинь Яном. Хотя родни между ними нет, Цинь Ян так заботится о дурачке, и от этого на душе у неё становилось ещё грустнее.

Однако разочарование — разочарованием, но ненавидеть Цзян Юя из-за этого Цинь Фэн не собиралась.

Цзян Юй всё это время сидел смирно рядом с Цинь Яном и наблюдал за его вознёй. Когда Цинь Ян убрал всё в корзину, Цзян Юй удовлетворённо вздохнул. Вид у него был такой забавный, словно он съёл какую-то великую выгодную сделку, и Цинь Ян невольно усмехнулся.

Вскоре Цинь Фэн начала готовить.

На столе керосиновая лампа излучала тусклый свет; одной лампой было не осветить всю комнату. Внезапно Цзян Юй проявил смекалку: увидев, что у Цинь Фэн темно, он поспешил взять лампу, подошёл к ней, чтобы осветить. Заметив её взгляд, он глуповато улыбнулся ей.

Сумрачное настроение Цинь Фэн от такого душевного жеста сразу улучшилось, и она тоже улыбнулась ему в ответ.

Видимо, от общения Цзян Юй перестал быть таким скованным, как в начале. Привыкнув, он не только не буянил, но и оказался довольно послушным и понятливым. За едой он не только накладывал еду им обоим, но и то и дело заглядывал во внутреннюю комнату — достаточно ли еды у отца Цинь. Увидев, что в миске отца Цинь риса не осталось, он тревожно выбежал и, заикаясь, говорил Цинь Фэн:

— Цинь Фэн, Цинь Фэн, у дяди нет еды, я, я ему наложу, а, а где рис?

Его беспокойство было таким, словно отец Цинь мог умереть с голоду, если не поест в ближайшую минуту, что вызывало смех.

Даже отец Цинь, который раньше не жаловал Цзян Юя, постепенно стал относиться к нему ласковее и даже потчевал конфетами «Белый кролик», которые Цинь Ян купил раньше и берёт.

Чем больше общались, тем больше Цзян Юй нравился.

Вон, Цинь Ян и Цинь Фэн съели только по половине порции, а Цзян Юй уже покончил. Он вытер рот, тревожно поглядывая на Цинь Яна, и сказал:

— Цинь Ян, ты быстрее ешь. Поешь — и спать, скоро рассветёт, и мы, мы пойдём сажать батат.

Цинь Фэн чуть не поперхнулась рисом и сказала с невольной улыбкой:

— Дурачок, кто сказал, что поспишь — и сразу светло? Спать надо долго.

Цинь Ян тоже был удивлён, не ожидая, что Цзян Юй так заикнется на посадке батата.

Цзян Юй с недоумением посмотрел на Цинь Фэн.

— Но я посплю немного, проснусь — и уже светло...

— Да-да, поспишь — и светло. — Цинь Фэн небрежно кивнула, решив, что не стоит объяснять дурачку логику времени, а то самой устанешь.

Поев, Цинь Ян сидел у двери и курил. Легко нахмутив брови, он смотрел в небо над внутренним двориком. Цзян Юй сидел у его ног и дежурил. Подождав долго и увидев, что Цинь Ян не собирается ложиться, он нарочно сказал:

— Цинь Ян, я пошёл спать.

Цинь Ян спокойно ответил:

— Иди.

Цзян Юй неуверенно спросил:

— А, а ты не идёшь?

— Ещё рано.

Цзян Юю это показалось странным. Обычно, когда он начинал клевать носом или говорил, что хочет спать, Цинь Ян шёл вместе с ним домой. А сегодня велит идти одному. Он не понял:

— Но я хочу спать.

Цинь Ян слегка повернул голову к Цзян Юю и с интересом произнёс:

— Хочешь спать — иди. Что, хочешь, чтобы я с тобой спал?

— Да, да-а. — Цзян Юй ничего не смыслил и, услышав «спать вместе», автоматически перевёл это как «спать в одной комнате». Он серьёзно кивнул:

— Ты со мной поспишь.

Цинь Ян:

«...»

Не выдержав странного упорства Цзян Юя, Цинь Ян в конце концов «пошёл спать» вместе с ним.

На рассвете небо было серым, грязное стекло в окне отсвечивало голубым, в комнате стояла полумгла.

Когда Цинь Ян проснулся, Цзян Юй уже сидел верхом на нём и неловко пытался сползти вниз. Цинь Ян потянулся, чтобы придержать его, чтобы тот не упал, но Цзян Юй, увидев, что Цинь Ян проснулся, от радости сел прямо ему на живот и засуетился:

— Цинь Ян, Цинь Ян, утро наступило, вставай скорее, пойдём сажать батат...

Цинь Ян резко вдохнул, оттолкнул Цзян Юя, свернулся набок, нахмурившись и прикрывая пах руками.

Цзян Юй одной своей пятой как раз пришёлся по его «брату», который, неизвестно когда, уже стоял смирно. Было очень больно.

Цзян Юя так резко оттолкнули, что он надулся от обиды. Когда он с трудом поднялся и при слабом свете увидел, что Цинь Ян держится за низ живота, он сразу растерянно опустился на колени рядом, загибая пальцы, и пробормотал:

— Цинь Ян, ты, ты что? Я слишком тяжёлый? Я тебя придавил...

Боль постепенно утихла. Цинь Ян выдохнул:

— ...Ничего.

— У-у. — Цзян Юй беспокойно отозвался, опустив голову и выглядя совсем жалким.

Цинь Ян взглянул на него и по одному его виду и словам легко понял его состояние. Он мысленно вздохнул: этот дурачок слишком чувствителен. Он потёр Цзян Юю по голове и тихо сказал:

— Не твоя вина. Чего ты так расстроился? Одевайся, пойдём сажать батат.

Цзян Юй, зная, что провинился, пробормотал:

— Я, я одежду тебе принесу...

Одевшись, они пошли в соседнюю комнату. Цинь Фэн готовила завтрак.

Цзян Юй после того случая вёл себя очень сдержанно, молчал, сам по себе набрал воды, умылся и прополоскал рот.

Цинь Ян же взял мотыгу во дворе и стал менять лезвие. Поставив его на место, он взял топор и — дзынь-дзынь-дзынь — заколотил деревянный клин, фиксирующий лезвие.

Цзян Юй, поджав губы, бесшумно вынес деревянный таз и поставил сбоку. Поглядев на Цинь Яна несколько мгновений, он неуверенно окликнул:

— Цинь, Цинь Ян... Умывайся.

Цинь Ян обернулся, посмотрел на растерянного Цзян Юя, затем опустил работу и присел умываться.

Цзян Юй постоял рядом немного, потом побежал в комнату, вынес стакан для полоскания, набрал воды, выдавил пасту и снова — топ-топ-топ — прибежал к Цинь Яну, чтобы следить за ним.

Цинь Ян невольно улыбнулся: оказывается, этот парень умеет угождать.